

«К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В АНГЛИИ»

А. И. ГОЛЫШЕВА

В годы второй мировой войны в Англии усиливается интерес к русской классической и советской литературе. Среди писателей, жизнь и творчество которых привлекает внимание английских литературоведов, выделяется Пушкин.

Работы о Пушкине, вышедшие в Англии, необычайно разнообразны. И хотя в подавляющем большинстве они проникнуты искренним уважением к творческой индивидуальности русского поэта, к высоким художественным достоинствам его поэзии, некоторые из них тенденциозны в дурном смысле этого слова и в отношении идеологических оценок для нас неприемлемы.

Примечательным является тот факт, что в эти годы в Англии появляются во множестве различные переводы пушкинских произведений.

Так, в 1943 году переиздается «Евгений Онегин» в переводе Оливера Элтона,¹ впервые изданный им в 1938 году.

Знаток Пушкина и прекрасный переводчик, Элтон с большим мастерством преодолевает трудности оригинала, опровергая мнение о том, что — как еще недавно считали, — Пушкин не переводим. Однако в своем предисловии к переводу Элтон высказывает ряд замечаний, свидетельствующих о недостаточном проникновении в идейно-художественный смысл романа Пушкина. В частности, отмечая многогранность «Евгения Онегина», переводчик считает, что роман не свободен и от недостатков. К числу их он относит замечания о женских ножках, встречающиеся в первой главе, которые, как ему кажется, граничат с безвкусицей; сатирические ссылки, имеющие часто лишь исторический интерес; замечания о разочарованности героя, которые кажутся автору порой банальными. Впрочем, обобщая, автор и сам замечает, что это, возможно, всего лишь англо-

¹ A. S. Pushkin "Evgeny Onegin". Translated by Oliver Elton and Illustrated by M. V. Dobujinsky, London, 1943.

саксонские придирки, и как бы то ни было, они не являются критикой мастерства. Пушкинская точность, подчеркивает Элтон, его чувство законченности отделки произведения не может ему изменить.

Дело, конечно, не в этих «англо-саксонских придирках», а в том, что за ними пропало представление о романе как об «энциклопедии русской жизни» первых десятилетий XIX века. «Центральной фигурой русской литературы», «национальным поэтом России» называет Пушкина английский профессор Янко Лаврин, специалист по русской литературе. С этого определения начинается он главу о Пушкине в своем «Введении к русскому роману», написанном в 1943 году.² Отмечая величие Пушкина и его значение как основоположника русской литературы, автор рассматривает преемственность его традиций в творчестве Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Тургенева и Толстого. Работа в целом представляет определенный интерес, свидетельствуя о хорошей осведомленности автора в русской литературе. Однако с отдельными положениями ее трудно согласиться. Так, касаясь биографии поэта, исследователь стремится свести отношения Пушкина с Николаем I к чисто личным отношениям, осложненным интересом царя к Наталье Гончаровой. Отсюда дуэль и трагическая гибель поэта даются как результат придворных сплетен, что совершенно снимает вопрос об отношении Пушкина к «гнусному убийце героев 14 декабря».

Стремление подменить политические расхождения поэта с Николаем I недоразумениями личного характера является виной не только Лаврина, а и многих современных буржуазных исследователей творчества Пушкина, свидетельствуя не столько о неведении, сколько о нежелании объективно вникнуть в суть добытых наукой о Пушкине фактов. Хотя исследователь отмечает и широту взглядов Пушкина, и его необычайную культуру, он не сумел показать, какие события русской и мировой действительности сделали Пушкина подлинным русским национальным поэтом. А именно глубокое исследование связей Пушкина с исторической эпохой, сказавшихся на его идейном развитии, определивших его мировоззрение, помогли бы Лаврину вскрыть причины, обусловившие ту роль, которую Пушкин сыграл в истории русской литературы.

Высоко оценивая прозу Пушкина, говоря о воздействии на него В. Скотта, автор не показывает нам, в чем именно это влияние сказалось, что обусловило переход Пушкина к прозаической форме, в чем своеобразие отражения в его прозе исторических и социальных процессов, о которых Пушкин говорит в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева» (последнее произведение Лаврин упорно именует «История пугачевского бун-

² "An Introduction to the Russian Novel" by Janko Lavrin, London, 1943.

та»). Касаясь этих произведений, Лаврин отмечает, что Пушкин заимствовал тему для них из исторического прошлого. Но Лаврин не ставит вопроса о том, какие объективные обстоятельства сделали неизбежным восстание Пугачева и как эти обстоятельства раскрыты в произведениях Пушкина. Не удалось автору вскрыть и важнейшие проблемы пушкинской прозы: проблемы народа и личности.

Говоря о традиции Пушкина в русской поэзии, автор видит эти традиции прежде всего у декадентов и в творчестве Вл. Соловьева. Тем самым Лаврин, хотел он того или нет, искажает роль Пушкина в истории русской литературы.

В 1945 году выходит из печати сборник стихов Пушкина в переводе Уолтера Морисона,³ знатока славянских языков, преподавателя сравнительной славянской филологии в Лондонском университете. В краткой заметке, предпосланной книге, указывается, что этот сборник теснее сблизил Англию и Россию. Человеческий дух, подчеркивается далее, не знает границ времени и пространства. Пушкинские произведения не постарели. Наоборот, интерес к ним сейчас сильнее, чем когда-либо. Спрос на книги Пушкина постоянен в Советской России и, очевидно, недалеко то время, когда Пушкин будет лучше известен и читателям за пределами своей страны.

Предисловие к этому сборнику переводов написал уже упоминавшийся нами Янко Лаврин. В предисловии дается характеристика творчества поэта и его политических взглядов. Говоря об отношении Пушкина к декабристам, Лаврин отмечает, что поэт сам, возможно, стал бы активным декабристом, если бы он не был в ссылке во время восстания. Касаясь свидания Пушкина с Николаем I и предложения последнего статью его цензором, автор справедливо замечает, что намерение царя таким образом превратить величайшего русского поэта в человека, прославляющего реакционный режим, не увенчалось успехом. Автор дает высокую оценку прозе Пушкина, отмечая, что она тоже является важным связующим звеном между английской и русской литературами. Лаврин указывает на воздействие В. Скотта на Пушкина. Однако об этом воздействии он говорит излишне категорично, не достаточно учитывая порою национальную основу прозаических произведений Пушкина. В частности, говорится, что «Дубровский» основывается на романтической интриге, напоминающей «Ламмермурскую невесту». Легковесность подобных суждений об одном из самобытнейших произведений русской действительности, насквозь пронизанном социальными мотивами, давно развенчаны советским литературоведением.

³ "Pushkin's Poems" A selection Translated by Walter Morison with an Introduction and Notes by Y. Lavrin, L. 1945.

Одним из интересных событий в английском пушкиноведении был перевод в 1945 году известной книги Леонида Гроссмана, озаглавленной в английском переводе так: «Роман о последних годах Александра Пушкина. Смерть поэта».⁴ В предисловии к книге высоко оцениваются ее художественные достоинства. Подчеркивается умение автора создать живой и человечный портрет Пушкина, колоритную картину императорского Петербурга 30-х годов XIX века.

Союзнические отношения, связывающие Англию и Советский Союз в годы совместной борьбы против фашистской Германии, находят отражение в тех статьях и заметках, которые появляются в «Британском союзнике» этого периода. Цель этих статей — познакомить советского читателя со степенью осведомленности англичан в русской литературе.

Так, в мартовском номере за 1945 год мы встречаем статью лауреата фестиваля народных певцов Уэльса Джонса «Переводы русских классиков».⁵ В ней говорится о профессоре Гудсон-Вильямсе, который посвятил свой большой талант литератора и ученого переводу русских классиков на валийский язык. Выучив русский язык, он начал переводить Пушкина.

В апрельском номере «Британского союзника» обращает на себя внимание статья Аллена Хотта «Русские классики в Англии».⁶ Автор знакомит нас с английскими переводами произведений Пушкина.

В сентябрьском номере журнала за 1949 год напечатана статья того же Аллена Хотта «Англичане в России».⁷ В статье охватывается период с 1800 по 1840 годы. Знакома читателя с воспоминаниями английских путешественников, побывавших в России, автор статьи упоминает доктора Эдуарда Нортон. Думается, что в фамилии здесь допущена опечатка и имеется в виду Мортон.⁸

Факты, изложенные в приведенных выше статьях, безусловно интересны для широкого читателя, так как знакомят его с популярностью Пушкина в Англии. Но в плане научном статьи эти ничего нового в себе не несут. Материал, который в них имеется, уже был известен по обстоятельным работам академика М. П. Алексеева.⁹

⁴ "A novel of the last years of Alexander Pushkin. Death of a Poet" by Leonid Grossman. Translated from the Russian by E. Bone. Lnd, 1945.

⁵ «Британский союзник» № 12, 25 марта, 1945, стр. 12.

⁶ «Британский союзник» № 14, 8 апреля, 1945, стр. 8.

⁷ «Британский союзник» № 36, 2 сентября, 1945.

⁸ E. Morton "Travels in Russia and a residence at St. Petersburg and Odessa", L., 1830.

⁹ См. М. П. Алексеев, «Пушкин на Западе», «Временник пушкинской комиссии», № 3, изд. АН СССР, М—Л, 1937, стр. 104. М. П. Алексеев «Пушкин в мировой лит-ре», «Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина» Труды пушкинской сессии АН СССР. М—Л, 1938, стр. 175.

В 1946 году «Британский союзник» вновь выступает с серией статей, рассказывающих о популярности русской литературы в Англии и, в частности, творчества Пушкина. В статье «К смерти Баринга»¹⁰ воздается дань уважения поэту, переводчику, писателю и критику, трудам которого англичане обязаны своим знакомством с русской литературой. Особенно выделяется его «Очерк русской литературы» и «Оксфордский альманах русской поэзии», который называется классической антологией. В статье перечисляются его переводы из Пушкина, среди них отмечается перевод «Пророка».

В марте 1946 года «Британский союзник» публикует статью профессора С. М. Боура «Оливер Элтон».¹¹ Статья является своеобразным некрологом умершему в возрасте 83 лет переводчику Пушкина. Среди таких переводов Элтона, как «Руслан и Людмила», «Полтава», «Сказки», «Медный всадник» и другие, выделяется перевод «Евгения Онегина», о котором уже упоминалось. Автор статьи отмечает, что Элтон создал прекрасную поэму, имеющую и самостоятельную ценность и многие свойства поэзии Пушкина. Будем надеяться, заканчивает Боур, что другие поэты завершат его труд и дадут Британии перевод полного собрания сочинений Пушкина, который она давно уже ждет.

В 1946 году в Англии вышел сборник рассказов, включающий наиболее характерные образцы этого жанра в русской литературе от Пушкина до Горького, с предисловием известного нам Янко Лаврина.¹² В предисловии говорится, что русская литература завоевала мировую известность главным образом благодаря своим романам. Поэтому часто склонны забывать ее достижения в области рассказа, которыми она в равной мере может гордиться.

Автор далее замечает, что, не считая Франции, Россия, кажется, действительно единственная европейская страна, где культ рассказа как высокого литературного жанра (не путая с обычным журнальным рассказом), стал уже сильной и установившейся традицией, основание для которой было заложено главным образом Пушкиным и Гоголем.

Далее прослеживается развитие жанра рассказа в русской литературе. Автор подчеркивает, что первую значительную веху в истории русского рассказа можно найти в творчестве Пушкина. Преимущественно поэт — один из величайших в Европе — он был известен также как драматург и прозаик. Это он ввел в литературу своего времени ту строгую простоту, которая стала такой знаменательной чертой последующего русского реализма.

¹⁰ «Британский союзник» № 7, 17 февраля, 1946, стр. 10.

¹¹ «Британский союзник» № 9, 3 марта, 1946.

¹² "A first series of Representative Russian Stories Pushkin to Gorky selected and Edited and with an introduction by Y. Lavrin". London 1946.

Пушкин санкционировал негероического героя, иначе «маленького человека» русской прозы.

Суждения Я. Лаврина о творчестве Пушкина обобщены в его книге «Пушкин и русская литература»,¹³ появившейся в 1947 году. Издатель книги Роуз кратко излагает ее сущность. В частности, отмечается, что глубокое восхищение Пушкина английской литературой и особенно Шекспиром и Байроном имело большое влияние в России и стало наиболее жизнеспособным и плодотворным моментом контакта между двумя странами.

Далее следует вводная заметка автора книги. Лаврин отмечает, что его работа не столько биография, сколько попытка представить иностранному читателю большую литературную фигуру через собственные творения в соотношении с фоном эпохи, в которой она жила.

Книга снабжена картой Российской империи, на которую нанесены Псков, Михайловское и другие места, связанные с жизнью и деятельностью Пушкина.

Книга является плодом большой и кропотливой работы исследователя, однако ряд ее положений совершенно неверны. Вопреки истине слишком большой упор делается автором на «гуманное» отношение Николая I к семье поэта. Принижается самобытность великого русского поэта и тенденциозно подчеркивается его зависимость от западно-европейской литературы. В сносках к «Бахчисарайскому фонтану» указывается, что Гирей Пушкина слегка напоминает Гассана из «Гяура», тогда как ревнивая Зарема напоминает Гульнару из «Корсара». Борис Годунов воспринимается автором как герой, имеющий одну или несколько общих черт с Ричардом III, Дмитрий — с Генрихом IV французским.

Обращает на себя внимание и злоупотребление биографизмом. Так, героиня «Бахчисарайского фонтана» Мария рассматривается как возможный портрет Марии Раевской. Драма ревности, переживаемая Алеко, расценивается как отголосок того чувства, которое Пушкин испытывал к Амалии Ризнич. Этот же биографический элемент подчеркивается и в ряде стихотворений, возникновение которых ставится в прямую связь с теми или иными увлечениями поэта.

Это копание в биографическом материале дает себя знать у Лаврина и тогда, когда он говорит о «Скупом рыцаре». Отец Пушкина уподобляется Скупому. Автор приводит свидетельство Ходасевича, который подчеркивает, что содержание разговора Скупого с сыном в 3-ей сцене наваяно фактом из жизни самого

¹³ "Pushkin and Russian Literature" by Yanko Lavrin, London 1947. Published by Hodder, Stoughton limited for the English University Press. Edited by A. L. Rows.

поэта: фальшивым обвинением, которое предъявил Сергей Львович своему сыну-поэту, утверждая, что тот поднял на него руку. Подобным образом расценивается и «Каменный гость», в котором Дон Гуан уподобляется Пушкину.

Не лучше обстоит дело и с трактовкой героев «Евгения Онегина». Так, ссылаясь на письмо А. Раевского, автор указывает, что Татьяна является портретом графини Воронцовой, в которую Пушкин был влюблен в Одессе. Отношения Татьяны к мужу, замечает Лаврин, в какой-то мере, напоминают отношения Натальи к Пушкину. Далее проводится аналогия между замужеством Татьяны и Марии Раевской.

В 1947 году «Славянское и Восточно-Европейское обозрение»¹⁴ опубликовало ряд статей о Пушкине. В разделе «Поэзия» даются переводы из Пушкина Ефима Фогеля и Михаила Виттока. Статья Глеба Струве «Мицкевич в России» содержит в себе особый раздел, в котором автор останавливается на отношениях Мицкевича и Пушкина. Неправильно здесь положение о том, что если у Мицкевича было мало причин любить Россию и русских, как национальность, то Пушкин никогда не симпатизировал Польше. Еще более сомнительно и прямо ошибочно стремление автора установить тождество между отношением к Польше Николая I и Пушкина. Автор прямо указывает, что в этом поэт был заодно с императором Николаем I, которого — в это время во всяком случае — он уважал и — искренне восхищался в такой же мере, в какой не любил его предшественника. Для Пушкина, говорится далее, так же как и для Николая I, вопрос сводился к тому, которая из двух стран, Россия или Польша, подчинится одна другой. Естественно, они не могли выбирать или колебаться. При этом Струве ссылается на стихотворение «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», без всяких оснований утверждая, что они были направлены против Польши.

Струве указывает, что эти стихи Пушкина дошли до Мицкевича и больно его ранили. Это нашло выражение в произведении Мицкевича «Друзьям в России». Неоправданность подобного утверждения, повторяющего зады некоторых реакционных литераторов, давно доказана советским литературоведением.¹⁵

В предисловии к своей статье Струве пишет, что не претендует на оригинальное исследование вопроса. С этим нельзя не согласиться. Лживые легенды и антинаучные суждения действи-

¹⁴ "The Slavonic and East European Review" November 1947, vol XXVI No. 66 Published for the University of London school of Slavonic and East European studies.

¹⁵ К. М. Симонов, А. С. Пушкин. Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР 6 июля 1949 г. «Лит. газета», № 46 от 8 июля 1949 г.

М. Живов «Адам Мицкевич» Жизнь и тв.-во. М, 1956, стр. 307.

тельно не могут претендовать на оригинальность, хотя и могут послужить недобрым целям идеологической войны.

В статье Джона Фрэнка «Пушкин и Гете» обсуждается вопрос о том, в какой мере Пушкин был знаком с творчеством Гете и насколько последний влиял на первого. Приводятся свидетельства разных точек зрения.

«Шекспировским элементам в «Борисе Годунове» посвящена статья Генри Гиффорда. Не умаляя достоинства Пушкина, как русского поэта, автор отмечает плодотворность освоения им шекспировского наследства. Статья свидетельствует о знакомстве с советскими исследованиями в этой области, даются ссылки на работы Бонди и Винокура о «Борисе Годунове». Отмечая, что сходство «Бориса Годунова» с эпизодами шекспировских драм часто подмечалось, автор видит задачу своей статьи в том, чтобы, кратко обзрев то что уже хорошо известно, дополнить ее новым материалом. Однако, думается, что движимый благородной целью, Гиффорд в своем стремлении истолковать сходство отдельных ситуаций и стиля Пушкина с аналогичными явлениями в творчестве Шекспира и В. Скотта несколько злоупотребляет методом произвольных сближений.

Статья Изасенко, входящая в этот же сборник, озаглавлена «Пушкиниана в Словакии». В статье рассказывается о сестре жены Пушкина, Александре Гончаровой, которая вышла замуж за барона Густава Фризенгофа и провела свои последние годы в маленькой деревне Словакии Бродани. Здесь их навещает Наталья Николаевна, бывают и дети Пушкина. Подробно излагается история первой жены Фризенгофа Натальи Ивановны, урожденной Загрязской. Особое внимание уделяется жизни Александры в доме Пушкиных, ее отношениям с поэтом, которые, как подчеркивает автор, были ближе, нежели просто родственными.

Автор отмечает, что Пушкин-поэт продолжает жить в сердцах людей. Каждый маленький камень в мозаике его жизни драгоценен. С этим не приходится спорить. Но так ли уж нужно копаться в мелочах, если эти мелочи ничего не прибавляют к нашему пониманию личности поэта и его творчества.

В 1947 году выходит книга Ричарда Хэа «Русская литература от Пушкина до наших дней».¹⁶ Знакома читателя с жизнью и творчеством Пушкина, автор дает высокую оценку русскому поэту. Пушкин, отмечает Хэа, был выразителем просыпающегося национального самосознания русского народа в тот короткий, отмеченный энтузиазмом период, когда все силы общества сплелись в единое целое, чтобы выкинуть наполеоновские армии из России.

¹⁶ "Russian Literature from Pushkin to the Present day" by Richard Hare. London 1947.

Говоря об отношении Пушкина к Байрону, исследователь указывает, что влияние английского поэта на Пушкина было вызвано не столько его творчеством, сколько обаянием его личности. Бунтарь-аристократ, отдавший жизнь, чтобы помочь грекам в их борьбе с турками, не мог не вдохновлять дворянскую молодежь России. Высокую оценку дает Хэа особенно «Евгению Онегину», солидаризируясь с тем отзывом, который дал роману Белинский.

Но при всем этом ряд положений работы представляются ошибочными. Высоко оценивая Пушкина, автор ссылается при этом на Лёнина, который Пушкина ценил выше Маяковского. В этом заметно явное стремление походя умалить значение Маяковского, а заодно, быть может, и советской литературы.

Знакомя читателя с жизнью и творчеством Пушкина, автор во многом придерживается тех взглядов, которые выработало буржуазное литературоведение Англии на этот счет. Перед нами тот же метод, согласно которому отдельные факты, отдельные параллели заслоняют подлинно историко-литературный анализ творчества Пушкина. Так, увлечение поэта графиней Воронцовой рассматривается как событие, давшее материал для создания образа Татьяны из «Евгения Онегина». Акцентируется автобиографический элемент, якобы свойственный всему творчеству Пушкина. Исследователь особенно подчеркивает его в «Цыганах». Вновь вытаскивается на свет обветшавшая уже легенда о лояльном будто бы отношении поэта к царю в последние годы его жизни. Отсюда и дуэль Пушкина дается как результат завистливых интриг его врагов, безответственной фривольности жены и его собственной гордой бескомпромиссной натуры.

В эти же годы выходит книга о русском и славянских языках.¹⁷ Профессор Энтуисл и Морисон (уже упоминавшийся нами выше) указывают в ней на огромные заслуги Пушкина в области развития русского литературного языка. Он — говорится в книге — демократизировал национальный язык, объединив литературные стили путем отказа от их традиционного разделения, — частично окрасил его разговорной струей. Простой язык он очищал, облагораживая его новыми художественными формами.

Юбилейный 1949 год принес с собой новые попытки в Англии осмыслить значение творчества Пушкина.

Принципиально по-новому раскрыл культурно-исторический смысл и значение пушкинского наследия прогрессивный английский писатель Джек Линдсей¹⁸ В своем выступлении на торже-

¹⁷ "Russian and the Slavonic languages" by W. Y. Entwistle, M. A. and W. A. Morison, B. A., Ph. D. Faber and Faber limited 24 Russell square London, p. 279.

¹⁸ «А. С. Пушкин» 1799—1949, Материалы юбилейных торжеств, М—1951, стр. 60—61.

ственном заседании общего собрания АН СССР он прямо подчеркнул, что Пушкин «стоит в одном ряду с Гомером, Данте, Шекспиром, Сервантесом...» «Эти великие гении — сказал он — являются провозвестниками единства, сплочения сил людей, и в то же время эти великие писатели вскрывают классовые противоречия, назревающие внутри народа... Они указывают пути к будущему через классовую борьбу, к будущему, в котором будет царить столь желаемая свобода и братство. Это то, чего не может и не смеет понять буржуазное общество. Оно вульгаризирует понимание великих поэтов-гуманистов, всеми средствами стараясь скрыть, что гуманистическая любовь к человеку заложена в самой логике развития их творчества... Я люблю и чту Пушкина за то, что он является одним из великих творцов, чье значение столь же велико для всего мира, сколько оно велико для России. Его неизменная любовь к правде, любовь к человеку является неотъемлемой частью социалистической культуры... Поэт обретает своих наследников тогда, когда народ считает его наследие своим. Пушкин является теперь частью великолепного непобедимого мира — Страны Советов; Пушкин призван играть все большую роль как в советской, так и в мировой культуре».

Эту мысль Линдсей развивает и в своей книге «Мир будущего».¹⁹ Шекспир или Пушкин, говорит он, отнюдь не утрачивают своего значения при социалистическом обществе; напротив, именно теперь они раскрывают все свои тайны, звучат во всю силу и находят достойную их аудиторию. Касаясь вопроса всенародности характера пушкинских торжеств в нашей стране, являющихся, по его словам, триумфом социалистического единства, не имеющего прецедентов в истории, Линдсей говорит, что слова, прозвучавшие у подножия памятника Пушкину, отозвались миллионом голосов по всему Советскому Союзу, и на них откликнулся весь народ... Кажется, что в эти дни в Советском Союзе все взоры были обращены к памятнику Пушкина в Москве.

«Daily Worker», откликаясь на юбилей Пушкина, в номере от 6 июня 1949 года печатает статью уже известного нам Аллена Хотта.²⁰ В вводной части ее акцентируется великая роль Пушкина в создании русского литературного языка. Далее дается краткая биография поэта. Отмечая дружбу Пушкина с декабристами, Хотт подчеркивает, что только ссылка помешала поэту принять участие в восстании. Пребывание в Михайловском рассматривается как наиболее благотворный для творчества Пушкина период. Указывая на все растущую попу-

¹⁹ Yack Lindsay. "A World ahead". London, 1950

²⁰ "Daily Worker", June 6, 1949, p. 2.

лярность Пушкина, автор говорит, что именно она усилила преследования поэта со стороны мрачного тирана Николая I.

Серия грязных придворных интриг и провокаций толкнули Пушкина на дуэль с темным искателем приключений, иностранцем Дантесом, которая окончилась для поэта трагически. Статья иллюстрирована фотографиями Пушкина, его жены, с. Михайловского.

В 1954 году Дороти Брустер издала книгу об изучении литературных связей.²¹ Свою задачу автор видит в том, чтобы собрать воедино в последовательный рассказ массу разбросанного материала. И действительно, книга строится на богатом фактическом материале, правда, давно уже известном советскому литературоведению. Однако осмысление этого фактического материала в книге порой весьма сомнительно. Это тем более досадно, что из краткого предисловия мы узнаем, что автор большой знаток русской литературы, пять раз приезжала в Советский Союз, последний раз была у нас в 1946 году. Прослеживая интерес к русской литературе, возникший в Англии в XIX веке, исследователь останавливается на отзывах путешественников, побывавших в России. В частности, говоря о капитане Фрэнклэнде, который дважды посетил нашу страну и в 1832 году опубликовал рассказ об этих визитах, автор отмечает, что в нем Фрэнклэнд особенно подчеркивает свое знакомство с А. Пушкиным, «русским Байроном», которого он навестил и чье мнение о политических и социальных вопросах государства Российского он беспорядочно перемешал со своим собственным. Далее Брустер, ссылаясь на то место из книги Фрэнклэнда, в котором говорится о том, что русские крепостные еще не достигли того состояния, когда появляется ощущение острой необходимости освободиться от крепостной зависимости, с сомнительной осторожностью и ненужной «объективностью» заявляет, что трудно сказать, кому из двух, Пушкину или Фрэнклэнду, принадлежат эти мысли. Для всякого непредубежденного исследователя совершенно ясно, что такие мысли Пушкину принадлежать не могут.

В 1957 году в январском номере журнала «*Essay in Criticism*» печатается рецензия уже известного нам Генри Гиффорда, написанная на книгу американского литературоведа В. Ледницкого «Пушкинский «Медный всадник»».²²

Об интересе к творчеству Пушкина свидетельствует и помещенный в февральском номере журнала Общества любителей

²¹ Dorothy Brewster "East-West Passage" A study in Literary Relationships. London 1954.

²² Henry Gifford. "The Bronze Horseman" Bristol University ("Essays in Criticism" vol VII January 1957 No. 1, p. 84. A. Quarterly Journal of Literary Criticism. Ed. by F. W. Bateson).

творчества Шоу²³ отчет, озаглавленный «Встреча с Пушкинским клубом». В нем дается краткое изложение совместного с обществом Шоу собрания Пушкинского клуба в Лиге Национальной книги в Лондоне, имевшем место 30 октября 1959 года. С речью «Пушкин как создатель большой русской литературы» выступила Берта Молник. Кратко изложив биографию Пушкина, Молник остановилась на значительных произведениях поэта. На собрании подчеркивалось, что до сих пор нет надлежащего издания основных произведений поэта. Было предложено самим учить русский язык, чтобы лучше узнать Пушкина. В заключение было отмечено, что подобно Шоу, Пушкин был великим романтиком-реалистом и пожизненным бунтарем.

К 125-летию со дня смерти Пушкина в Англии вышел сборник его повестей. Переводчик Розмэри Эдмондс во вступительной статье говорит о поэте как «о величайшем имени в русской литературе».

К этой же памятной дате русского поэта приурочено и открытие в Дамфрисе Клуба дружбы имени А. С. Пушкина. В Эдинбургском университете прочитана лекция на тему: «Пушкин в русской музыке».

Тесные узы дружбы связывают шотландских любителей творчества Пушкина с советскими почитателями поэзии Бернса. Отмечая годовщину со дня смерти русского писателя, уэльский композитор и поэт Джек Морган прислал в Москву Клубу друзей Шотландии имени Роберта Бернса свою песню «Памяти Пушкина и Бернса», в которой, славя «певцов шотландских древних скал и невских берегов», выражает уверенность в том, что «вместе с песнями живет их вещая мечта»:

Настанет день, и час пробьет:
вражды исчезнет тень,
И солнце разума взойдет,
и светел будет день!

Перевод с английского Б. Лихачева.²⁴

Мы далеко не исчерпали всего написанного в Англии о Пушкине. Однако даже беглый обзор литературы о Пушкине, имеющийся на английском языке, свидетельствует о несомненном интересе к творчеству русского поэта.

В приведенных выше работах встречаются спорные, сомнительные, а порой и прямо неверные положения, отражающие не только литературную, но и политическую позицию их авторов. Вместе с тем несомненно и важно, что в подавляющем большинстве английские исследователи все более и более склонны вос-

²³ "The Shavian". "Meeting with the Pushkin Club". The Journal of the Shaw Society, vol 2, February 1960, number 1.

²⁴ См. «Литературная газета», 10 февраля 1962 г.

принимать творчество Пушкина как наиболее совершенное выражение духовной сущности человечества. Это хорошо отметил известный английский писатель Джон Брэйн, посетивший нашу страну летом 1960 года. Вспоминая станцию Ленинградского метро, где скульптором запечатлен образ Пушкина, он писал: «...когда смотришь на скульптуру Пушкина, то постигаешь нечто более важное: человек способен думать не только о своем комфорте и о своем личном существовании, но и о чем-то гораздо большем. Человек существует не только для того, чтобы есть, пить и наряжаться, — он существует для чего-то более важного и значительного. И нужно, чтобы тебе напоминали о таких людях, как Пушкин».²⁵

²⁵ Джон Брэйн, «Я верю в мирное сосуществование...», Литературная газета, 24 декабря 1960.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени С. М. КИРОВА
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ
1962